

# «УЛИСС» В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

*Рубльцова. — 1995. — 27 мар. — с. 9*

Существуют художественные произведения, о которых много и часто говорят, но редко кто читает. Не думаю, что каждый любитель порассуждать на литературные темы действительно прочел «Улисса» Джойса (не говоря уже о примечаниях, по объему превышающих сам роман). Это неудивительно — рядовой читатель рискует просто захлебнуться в том бурном потоке сознания, который выплескивает на него автор «Одиссеи» XX века. Но именно среди тех немногих, кто все же выплыл на поверхность, то есть прочел «Улисса» «от и до», и Владислав Знорко, режиссер спектакля «Улисс наоборот», показанного в Москве французским театром «Космос Колей».

Прочувствовав негативный опыт Джойса — усложненные ассоциации авторского мышле-

ния вызвали отторжение у читателя, — Знорко сделал все действительно «наоборот», обратив свое воображение к ярким визуальным формам. В спектакле практически нет текста, он и не нужен, поскольку сценическое действие настолько насыщено, что слова казались бы чужеродными этой пластической поэтике.

С самого начала зрители попадают в ужасающий шторм — оглушительный грохот прибоя, крики и корабль, который трещит по швам, создают полную иллюзию катастрофы. Однако все это не просто аттракцион с голливудскими спецэффектами, раздражающий искушенную публику, и ни в коем случае не шоу. Дело в том, что действие интеллектуально и несет некий философский смысл — утрату бытия, а усовершенствованные техникой

методы воздействия — только инструменты для того, чтобы «быть понятым, а не понятным». Режиссер, он же сценограф, использует эстетику немецкого мистицизма — рыжеволосая девушка-Ундина, появляющаяся у носа тонущего корабля, в финале уводит главного героя в мир грез. А еще до этого он делает выбор между жизнью и смертью, грань между которыми — никуда не ведущая дверь, ее с грохотом двигают по сцене два совершенно одинаковых господина во фраках (актеры — близнецы Леслав и Вацлав Яницкие). Достаточно переступить через дверной проем, и ты уже там...

В финале герои забываются по-детски невинным сном, устроившись на громоздкой металлической кровати. Именно она была грозным символом беды — надвигающейся цивили-

зации-завоевательницы. Трагедия обернулась сказкой, рассказанной на ночь. Но так ли все «волшебно», если красочная книжка-раскраска в руках у повзрослевшей Суок называется «Кот и дьявол»?

Режиссерская концепция Знорко определяется обособлением от общего потока французской сценической культуры: «Я не хочу быть очередной тенью великой «Комеди Франсез». Это ему удалось. На гостеприимной сцене Театра имени Моссовета (по собственному признанию актеров, они были невероятно воодушевлены аурой «истинного театра», каких мало осталось в Европе) разыгрывалось нечто совершенно необычное, вдохновленное загадочной стихией моря, легендами затонувших кораблей, а может, и самой Атлантидой.

Нармин ШИРАЛИЕВА.